

КАРЛ ХАЙНЦ АБСХАГЕН

КАНАРИС.

РУКОВОДИТЕЛЬ

ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

ВЕРМАХТА. 1935-1945

Карл Хайнц Абсхаген

**Канарис. Руководитель военной
разведки вермахта. 1935-1945**

«Центрполиграф»

Абсхаген К.

Канарис. Руководитель военной разведки вермахта. 1935-1945 /
К. Абсхаген — «Центрполиграф»,

Среди многочисленных публикаций, посвященных адмиралу Вильгельму Канарису, книга немецкого историка К. Х. Абсхагена выделяется попыткой понять и объективно воспроизвести личность и образ жизни руководителя военной разведки вермахта и одновременно видного участника немецкого Сопротивления. Книга вводит в обширный круг общения руководителя абвера, приоткрывает малоизвестные страницы истории Европы 30—40-х годов двадцатого века.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	8
Пролог	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Карл Хайнц Абсхаген

Канарис. Руководитель военной разведки вермахта. 1935–1945 гг

*Мои так называемые преступления – всего лишь фантазии глупцов. Нужно ли умному человеку преступать закон? Преступление – это вспомогательное средство политических простофиль... У меня были слабости, быть может, даже пороки, но преступления?!
Талейран в беседе с поэтом Ламартином*

Предисловие

Вероятно, ни о какой другой известной личности времен Второй мировой войны не говорилось и не писалось так много противоречивого и неверного, как о главе военной разведки германского вермахта адмирале Вильгельме Канарисе. Ему посвящены сотни статей в немецких и зарубежных газетах и журналах, ему отводится важное место во многих книгах, опубликованных после войны. Но если непредвзято изучить всю эту обширную литературу, то можно убедиться, что правдивый образ шефа абвера как человека и государственного деятеля все еще не создан.

Типичной для массы посвященных Канарису печатных изданий следует считать книгу эмигрировавшего из Германии журналиста Курта Зингера под названием «Шпионы и предатели Второй мировой войны», опубликованную в США и в Швейцарии. Типичной она является из-за той бесцеремонности, с какой автор на трехстах страницах жонглирует фактами. Если верить Зингеру, почти за все, в чем обвиняют Гитлера, Геринга, Гиммлера, Гейдриха, Верховное командование вермахта и Генеральный штаб, ответственность несет только или в первую очередь Канарис, который к тому же якобы мог по своему усмотрению распоряжаться не только гестапо, но и целыми армиями и авиаэскадрильями. Читая сочинение Зингера, невольно приходишь к заключению, что Канарис в Третьем рейхе обладал не меньшей властью, чем сам Гитлер. Довольно серьезный английский ученый, профессор Тревор Роупер в своей книге «Последние дни Гитлера» называет Канариса сомнительным политическим интриганом, под чьим бездарным руководством абвер влачил паразитическое существование. Очевидно, Роуперу – при всем моральном осуждении – больше импонирует не абвер, а шпионско-террористическая организация Шелленберга. Из зарубежных авторов наиболее справедливую оценку шефу абвера дал бывший начальник французской контрразведки генерал Л. Риверт в статье, опубликованной в «Revue de defense nationale», в которой он довольно резко раскритиковал Курта Зингера. В ней генерал, безусловно настоящий профессионал, с рыцарской любезностью отдает должное личным и деловым качествам адмирала Канариса.

Естественно, имя Канариса встречается в многочисленных публикациях, принадлежащих перу участников немецкого движения Сопротивления. Появляется оно в разных контекстах и в дневнике Ульриха фон Хасселя, вышедшего в свет под названием «Другая Германия». В своем сочинении «До горького финала» другой участник движения Сопротивления, Гивиус, описывает несколько эпизодов, в которых Канарис играет определенную роль, и признает, что адмирал никогда не оставлял его в беде. Рудольф Пехель в книге «Немецкое Сопротивление» подчеркивает значение Канариса как противника Гитлера, выражает несогласие с несправедливыми обвинениями в адрес Канариса, проистекающими скорее из незнания подлинных обстоятельств, и указывает на настоятельную необходимость нарисовать правдивый портрет этого человека.

Непостижимым образом Канарису была уготована судьба со всех сторон подвергаться нападкам и оскорблениям. Если одни представляют его шпионом, честолюбцем и жестоким милитаристом, то другие – в том числе и бывшие сослуживцы адмирала – считают его предателем, который, по их мнению, нанес вермахту и немецкому народу кинжальный удар в спину.

Искренне стремясь быть объективным, я попытался правдиво описать жизненный путь и нарисовать выразительный портрет Вильгельма Канариса. Я старался развеять ложный ореол, которым наделили его сочинители шпионских и криминальных историй, и изобразить его симпатичным человеком, мужественным офицером, истинным патриотом, остающимся при этом европейцем и гражданином мира, каким я знал его лично и каким он предстал передо мной в ходе изучения обширного материала, собранного мною в последние годы.

Познакомился я с Канарисом довольно поздно, весной 1938 г., и мои встречи с ним сводились к редким, но весьма оживленным разговорам в узком кругу, во время которых всякий раз очень откровенно обсуждалась внешнеполитическая ситуация. Этих контактов оказалось вполне достаточно, чтобы распознать такие присущие адмиралу качества, как широта кругозора, удивительная способность к быстрому восприятию взаимосвязей, глубокое знание положения дел в других государствах и особенно в Англии, умение давать здравые политические оценки, сдержанный юмор. Однако свое право на изложение биографии Канариса я обосновываю не мимолетными личными встречами с ним, а беседами со множеством людей, близко соприкасавшихся с адмиралом по службе и в частном порядке и поделившихся со мной не только своими воспоминаниями и впечатлениями, но и предоставившими в мое распоряжение большое количество писем и деловых бумаг.

Очень жаль, что утрачен важный, предназначенный потомкам документ, в котором Канарис объясняет, почему он поступал именно так, а не иначе. Имеется в виду дневник, который он вел очень тщательно. После отстранения Канариса весной 1944 г. от руководства абвером значительную часть записей спрятал в надежном месте преданный ему офицер. Когда попытка переворота не удалась и этот офицер сам стал жертвой репрессий, его вдова, опасаясь, что в результате пыток и шантажа дневник может попасть в руки гестапо и дать основания для преследования других участников Сопротивления, все записи уничтожила. Дневник существовал в единственном экземпляре. Сперва Канарис делал записи собственноручно, а с лета 1939 г. текст под диктовку печатала в одном экземпляре его секретарша. Иногда Канарис разрешал своему сотруднику Остеру копировать наиболее интересные места для собственных мемуаров. Через несколько недель после 20 июля 1944 г. эти записи вместе с другими бумагами Остера были обнаружены в одном из сейфов в Цоссене. Среди них находились многочисленные описания подлостей и нелепостей, совершенных национал-социалистским режимом, а также планы его свержения и заметки, касающиеся движения Сопротивления. Помимо бумаг Остера, гестапо нашло дневники Канариса, относящиеся к периоду с марта 1943 г. по июль 1944 г. Согласно показаниям представителей высшего руководства службы безопасности (СД) на процессе в Нюрнберге, эти дневники незадолго до крушения Третьего рейха переправили в Австрию в замок Миттерштилль, где в начале мая 1945 г. сожгли. Уцелели лишь отрывочные сведения: Канарис изредка позволял некоторым начальникам отделов кое-что выписывать из своего дневника для служебных хроник. Только благодаря этому появилась возможность процитировать отдельные мысли Канариса в предлагаемой читателю книге.

Прежде чем взяться за перо, мне, как уже упоминалось выше, пришлось побеседовать с многими людьми, близко знавшими Канариса в разные периоды его жизни. С теми же, с кем по разным причинам мне не довелось встретиться лично, я вел оживленную и временами довольно обширную переписку. К сожалению, моим изысканиям препятствовало то печальное обстоятельство, что немало доверенных лиц адмирала, во время войны работавших вместе с ним, после 20 июля 1944 г. разделили его трагическую судьбу. Другие были убиты в боях.

Все опрошенные мною бывшие работники абвера говорили о своем шефе с глубоким уважением. Даже те, кто критически оценивал некоторые аспекты служебной или политической деятельности Канариса, отзывались с похвалой о его человеческих качествах. Многие называли его своим другом, а кто помоложе – наставником. При этом обнаружился чрезвычайно любопытный феномен: большинство моих собеседников и корреспондентов вполне серьезно уверяли, что пользовались безграничным доверием адмирала. Но чем дальше я продвигался в своем исследовании, тем яснее становилось: как раз люди, действительно близко знавшие Канариса и тесно с ним работавшие, хорошо сознавали, что им дано распознать лишь малую часть его истинной сути и мотивов поведения. Ближайшие доверенные лица прекрасно понимали, что Канарис никому не раскрывался до конца. По этой причине, видимо, у каждого из моих собеседников сохранилось свое собственное, не похожее на другие представление о бывшем шефе. Из моих разговоров со старыми друзьями и соратниками адмирала у меня сложился совершенно иной, отличный от прежнего образ Канариса. И передо мной встала нелегкая задача: из множества впечатлений об адмирале, воспринятых с разных ракурсов и при различном освещении, создать целостную и рельефную картину. Если бы я не помнил – пусть мимолетного – впечатления, какое произвела на меня эта многогранная личность, то сложность взятой на себя миссии могла бы привести в отчаяние. Во всяком случае, я должен признаться, что образ Вильгельма Канариса, созданный мною в меру своих знаний и способностей, является всего лишь эскизом. Я старался изобразить его как можно правдивее, насколько позволяли условия. Чтобы не испортить содержание книги разного рода анекдотичным материалом, мне пришлось ограничиться лишь фактами, существенными для характеристики адмирала Канариса, и отказаться от использования некоторых достоверных и весьма забавных эпизодов.

К. Х. А.

Часть первая

И гордо реет флаг

Пролог

Время действия – на рубеже столетий. Век XIX отправляется на покой, грядет XX. И это не просто очередная пауза, которая в результате произвольного деления времени человечеством наступает через каждую сотню лет. С началом нового века целая эпоха уходит в небытие. Однако люди склонны не замечать, что началась новая эра, не хотят понять, что с XIX столетием кануло в прошлое буржуазное общество гуманистического либерализма с его оптимистическими взглядами на мир, со слепой верой в бесконечный прогресс человечества, с неудержимой предприимчивостью и ложным ощущением безопасности, с его терпимой формой национализма... Люди этого не замечают. Смутные подозрения некоторых, что не все так гладко, подавляющее большинство сограждан не мучают; это в одинаковой мере относится к ведущим и к ведомым, к умным и глупцам. Даже сам Освальд Шпенглер только тогда предаст гласности свое давно составленное пророчество конца света, когда устои буржуазного существования, характерного для XIX века, уже потрясла первая крупная катастрофа.

Детей прошедшего столетия, которые еще хорошо помнят старый мир, это потрясение лишило всех материальных и нравственных ценностей, приобретенных в молодые годы, но только не унаследованного от предков оптимизма. Их время умерло, но они этого не знают, они живут, демонстрируя удивительную жизнеспособность. Им не верится, что привычная система мироздания, с которой они познакомились в юности, навсегда канула в Лету. Два десятилетия подряд пытаются они снова и снова склеить обломки разбитого жизненного уклада. Не обескураженные неудачами, упорно идут они назад к нормальному, как им представляется, порядку вещей, не желая понять, что нормы бытия, которые имеются в виду, утратили свое значение, а новое содрагающееся в предродовых схватках общество – им чуждое и враждебное – еще не родилось. А потому останутся тщетными все их усилия и стремления, но, быть может, они все-таки сообразят – одни раньше, другие позже, – что наступила новая эра, и попытаются начать с чистого листа.

Глава 1

Состоятельное семейство

Вильгельм Канарис родился в зажиточной семье. Убранство родительского дома свидетельствовало если не о богатстве, то о солидном достатке. Здоровый мальчик, появившийся на свет 1 января 1887 г. в местечке Аплербек (округ Дортмунд), был самым младшим из троих детей директора металлургического завода Карла Канариса и его супруги, Августы Амелии, урожденной Попп. Значительную часть своего детства Вильгельм Канарис провел в большом доме, расположенном в Дуйсбург-Хохфельде, куда семья переехала через несколько лет после его рождения. Здесь жизнерадостный мальчик имел все, о чем только может мечтать и чего желать ребячье сердце. Громадный сад вокруг дома был идеальным местом для детских игр в индейцев. В кустах можно было прятаться, а на высокие деревья – взбираться. На собственной теннисной площадке Вильгельм рано освоил эту игру, и до конца жизни она оставалась любимым занятием в редкие часы отдыха. Мальчик рос в дружной семье, родители его баловали. Отец, человек по натуре суровый и сдержанный, не раз смеялся над шутками и неожиданными выходками самого младшего из детей, своего любимца. «Где бы ни оказался Вильгельмхен,

оттуда всегда слышался смех», – рассказывала сестра, которая, будучи старше на четыре года, постоянно заботилась о младшем брате. Мать тоже не могла устоять перед обаянием сына и с трудом сохраняла серьезное выражение лица, когда Вильгельм в ответ на ее осуждающий взгляд говорил: «Мама, сейчас твои глаза похожи на рентгеновские лучи».

В 1893–1896 гг. Вильгельм посещал подготовительную школу при реальной гимназии в Дуйсбурге, затем на Пасху поступил в младший класс. Прodelывать длинный путь в школу пешком юному ученику не было нужды: туда доставлял его принадлежавший семье экипаж, который в полдень забирал его и привозил домой. С кучером у Вильгельма сложились отличные отношения. Когда в погожие летние дни семья в полном составе выезжала на природу, мальчик садился рядом с кучером и дорогой развлекал все общество своими оригинальными выдумками. Ему также приходилось быть и кучером. Еще в раннем возрасте Вильгельм, получив в подарок козла, научил его возить небольшую тележку, на которой разъезжал по саду. Когда мальчику исполнилось пятнадцать лет, отец подарил ему верховую лошадь. Так Вильгельм увлекся верховой ездой и со временем стал отличным наездником. На протяжении всей своей жизни он использовал любую возможность, чтобы проскакать на коне. Вильгельм любил лошадей – да и вообще животных – и умел с ними обращаться. Чуткий и ласковый подход помогал ему справляться даже с самыми норовистыми конями. Достаточно рано у него развилась, если можно так выразиться, «лошадиная интуиция».

Еще малышом Вильгельм демонстрировал удивительную наблюдательность и стремление докопаться до сути вещей, то есть способности, из-за которых он впоследствии, служа на флоте, получил прозвище «глазастый»¹, что, видимо, и предопределило его будущую карьеру в качестве руководителя разведки. Ничто не ускользало от внимания мальчугана. Сопровождая свои наблюдения соответствующими комментариями, он не раз приводил взрослых в смущение.

Общая атмосфера, царившая в родительском доме и в тех кругах, в которых семейство Канарис вращалось, естественно, играла большую роль в формировании характера подростка. Оба родителя были людьми верующими, но не придерживались строго религиозных обрядов и не принадлежали к ревностным посетителям церкви. Предки Канариса были католиками, но, когда дедушка Вильгельма женился на протестантке, он принял ее веру. Хотя мать Вильгельма выросла в семье евангелистов, она скорее была расположена к католицизму. В церковь семья ходила только по большим религиозным праздникам, как это было принято у протестантов во времена модной либеральной теологии. Детей же воспитывали в духе христианских заповедей и непоколебимой веры, что жизнь человеческая во власти Небесных сил. Воспитывали в первую очередь не поучительными речами и наставлениями, а личным примером. Вильгельм Канарис всю свою жизнь был глубоко религиозным человеком, не отдавая предпочтения какой-нибудь конкретной конфессии. Позднее, уже будучи зрелым мужем, он часто посещал с двумя своими дочерьми евангелическую церковь в Далеме. Однако в последние, наиболее тяжелые годы жизни его сильнее притягивала мистическая атмосфера католических соборов; видимо, все-таки сказывалось материнское влияние.

Оба родителя Вильгельма были людьми высокоодаренными, с разносторонними интересами и широкими знаниями. Такой смысленный ребенок, как Вильгельм, мог почерпнуть много полезного из бесед со взрослыми во время, когда юный пытливый ум начинает критически воспринимать окружающий мир. То был период правления кайзера Вильгельма II и бурного развития экономики. В Рурском промышленном районе закладывались новые шахты, возводились более мощные доменные печи, строились металлургические заводы. Совсем еще молодой германский рейх за короткий срок превратился в ведущее индустриальное государство

¹ Относительно происхождения и значения этого прозвища среди прежних сослуживцев Канариса единого мнения нет, но оно упоминается уже в 1916 г. в «Мадридском этапе», о чем подробнее см. ниже. (Здесь и далее *примеч. авт.*)

Европы. Быстро развивалась внешняя торговля, увеличивался военный флот, одетый в броню, выкованную в Руре. Колониальная политика Германии будоражила воображение в первую очередь молодежи.

Разумеется, все в доме Канариса были патриотами. Отец буквально преклонялся перед Бисмарком. В конфликте между старым канцлером и молодым и неопытным кайзером его симпатии целиком и полностью принадлежали основателю рейха. Вообще же в семье о политике говорили мало; пожалуй, только перед выборами в рейхстаг или по поводу каких-либо чрезвычайных событий слышали дети, как родители в разговорах между собой или с гостями затрагивали политические темы. При этом с выражением неодобрения упоминались разные имена: прогрессивного деятеля Евгения Рихтера, например, или социал-демократа Августа Бебеля. Сами взрослые Канарисы причисляли себя к национал-либералам, чья партия в то время доминировала в Рурском промышленном бассейне, опережая центристов, к которым принадлежало большинство промышленников-католиков. Смычка индустриальных магнатов с прусскими консерваторами произойдет лишь позднее.

Промышленное сообщество, в котором рос и воспитывался Вильгельм Канарис, не хотело иметь с социализмом ничего общего из-за пропаганды его сторонниками идей интернационализма и классовой борьбы. То были еще золотые времена ничем практически не ограниченной предпринимательской инициативы. Хотя владельцам предприятий волей-неволей приходилось мириться с существованием профсоюзов, они тем не менее считали себя настоящими хозяевами в стране, не лишенными, правда, патриархального чувства социальной ответственности. Часто наблюдавшееся быстрое – за несколько поколений – продвижение от наемного рабочего до заводчика или фабриканта препятствовало развитию в среде промышленников классового высокомерия. Классовая непримиримость пропагандировалась в низах и смогла пустить корни в западногерманском индустриальном районе лишь после того, как в местный состав кадровых рабочих влились «чуждые» элементы, переселившиеся из восточных областей.

Следы влияния этого окружения можно обнаружить в последующей биографии Канариса. Он навсегда сохранил неприязнь к марксизму, особенно к его крайним формам, но вместе с тем унаследовал глубокое чувство социальной ответственности, которое сопровождало его при переходе из гражданской в военную среду и выражалось в заботливом отношении к подчиненным любого ранга. Канарис не испытывал ни сословного высокомерия, ни классовой неприязни, а потому после революции 1918 г. легко общался с представителями любых партий, в том числе партии пролетариата. Поэтому его выступление против Гитлера было обусловлено более глубокими причинами, чем простое неприятие высочки – «ефрейтора».

В семье Канариса военные традиции отсутствовали. Насколько можно было восстановить родословную – а нам удалось проследить ее вплоть до XVI столетия, – мы не отыскивали среди предков адмирала ни одного боевого солдата. Типичные буржуа. Дедушка со стороны отца служил регентом на горном предприятии в окрестностях города Брилона в чине королевского горного советника. Заглянув еще дальше в прошлое, мы обнаружили множество чиновников, камеррата, одного директора льняной мануфактуры, несколько купцов, мастеровых и юристов. Родственники по матери жили в районе города Кобурга. Дедушка был главным лесничим Саксонского герцогства. Среди более далеких предков с этой стороны сельский элемент представлен сильнее, чем по отцовской линии. Углубившись еще немножко в прошлое, мы встретим в числе почтенных дам имена двух барышень: фон Поллгейм и фон Триеш или Дриеш, чьи фамилии указывают на их аристократическое происхождение. Однако это никак не меняет общего буржуазного характера генеалогического древа семейства Канарис. Даже при всей безудержной фантазии невозможно причислить адмирала Канариса к представителям помещичьей или военной касты, как иногда трактуется в некоторых произведениях, посвященных шефу военной разведки.

Чужеземное звучание фамилии Канарис послужило поводом к многочисленным спекуляциям относительно происхождения ее носителя. Даже Ганс Бернд Гизевиус, который должен бы знать истину, в своей книге «До горького финала» именует Канариса «маленьким левантинцем». Часто немецкого адмирала принимали за потомка или близкого родственника известного героя национально-освободительной борьбы и в последующем греческого премьер-министра Константиноса Канариса. Согласно вполне достоверным сообщениям, сам кайзер Вильгельм II на полях доклада тогдашнего командира подводной лодки Вильгельма Канариса о потоплении вражеского транспорта сделал пометку: «Это потомок греческого борца за освобождение?» Как это ни парадоксально, но члены семьи будущего адмирала какое-то время были уверены, что являются родственниками отважного грека. На рубеже веков в буржуазных семьях еще не было принято интенсивно изучать историю собственного происхождения. Канарисы, конечно, сознавали чужеземное звучание своей фамилии и считали, что, должно быть, в очень давние времена их предки откуда-то переселились в Германию. Схожесть имен позволяла предположить некое родство с греческим героем. В начале нового столетия отец и мать Канариса воспользовались своей поездкой в Грецию, чтобы посетить «родственников» в Афинах, принявших их очень радушно. Родители даже приобрели копию статуи героического «предка», воздвигнутой в Афинах, и отослали ее в Дуйсбург, где она заняла почетное место в доме директора металлургического завода. Можно не сомневаться, что рассказы о великих делах знаменитого «родственника» не только окрыляли живое воображение молодого Вильгельма Канариса, но и укрепили его в решимости стать морским офицером и совершать подвиги. И после, когда Канарис все точно знал о своем происхождении и уже нисколько не сомневался, что в его жилах нет ни капли греческой крови, он со свойственным ему добродушным юмором подшучивал над своими греческими корнями. Цветная гравюра с изображением Константиноса Канариса висела в его доме в Шлахтензее, и он охотно показывал ее своим гостям.

Позднее Вильгельм Канарис много внимания уделял изучению семейной родословной. Проведенное по его поручению исследование помогло точно установить, что его далекий предок, Томас Канарис, в последнем десятилетии XVII века переселился с братьями из Салы (местечко близ итальянского озера Комо) в Германию и проживал в Бернкастель-Кусе, где женился на дочери приехавшего из этой же местности итальянца Пурицелли. Вообще итальянские иммигранты, которых тогда было много на западе и юге Германии (достаточно вспомнить имена Караччиоло, Брентано и т. п.), еще долгое время держались вместе. Прапрадед адмирала камеррат Франц Канарис в 1789 г., примерно через сто лет после переезда упомянутого родоначальника Томаса Канариса, вступил в брак с Джоанеттой, дочерью доктора юридических наук Фридолина Мартиненго, служившего в верховном суде. Различные ветви генеалогического древа семейства Канарис в Германии подробно описаны Петером Гебхардтом в книге, изданной в частном порядке и снабженной таблицами и схемами. В ней также отражена отцовская линия в Италии до 1506 г., когда в документах упоминается некий Гаспар Канарис. Не исключено, что эта линия может быть продолжена до XIV века, поскольку соответствующие записи имеются и в миланских архивах. Книга подготовлена по инициативе Вильгельма Канариса. В первый день 1942 г. адмирал получил от полковника (впоследствии генерала) Чезаре Аме, тогдашнего шефа военной информационной службы итальянского главного командования, роскошно изданный труд о родословной семейства Канарис-Канаризи с факсимильными отпечатками документов, содержащих сведения о представителях различных ветвей уважаемого в Северной Италии рода и с фотографиями принадлежавших им с давних пор домов и других владений.

В упоминавшейся выше книге Гебхардта, между прочим, говорится, что полностью отрицать всякую связь между немецкими и греческими Канарисами не стоит, хотя речь не идет о наличии родственных уз между Вильгельмом Канарисом и греческим борцом за свободу. Просто греческие Канарисы тоже являются выходцами из Северной Италии, избравшими новым

местом жительства остров Псара в Эгейском море. Как видно, все члены рода Канарисов испокон веков испытывали непреодолимую тягу к перемене мест. Любопытно, что и среди предков Наполеона I была одна женщина по фамилии Канарис. Как выяснил Гебхардт, дедушка императора, Джузеппе Буонапарте, состоял в браке с Марией Саверией Паравичини, чья мать Николета была урожденная Канарис. Поскольку Паравичини происходят из Северной Италии и некоторые представители семейства жили у озера Комо, не исключено, что Николета Канарис и Вильгельм Канарис – отпрыски одной династии.

Устранив всякие сомнения относительно итальянских корней семьи Канариса, можно заметить, что за двести лет пребывания на немецкой земле – а именно столько прошло до рождения Вильгельма Канариса – она полностью ассимилировалась. Если взглянуть на схему родословной, то легко заметить, что среди предков адмирала значительно больше немцев, чем итальянцев. И тем не менее некоторыми удивительными качествами своего многогранного характера он обязан именно этим итальянским предкам: странным сочетанием безудержной фантазии с невероятным пониманием реальностей, сдержанным, иногда даже мрачным юмором, порой похожей на тоску по родине любовью к странам Средиземноморья – Испании, Италии, Греции – и интуитивным пониманием образа мыслей латинских народов. Еще одно качество адмирала напоминало о когда-то покинутых солнечных широтах – неизменная потребность в тепле и почти болезненное отвращение к холоду, побуждавшее его даже в жаркие дни выходить на улицу в пальто.

В реальной гимназии Вильгельм Канарис зарекомендовал себя прилежным и любознательным учеником. Довольно рано проявилась его способность к усвоению иностранных языков, и по своим знаниям английского и французского он значительно опережал большинство остальных школьников. Любил читать, предпочитая историческую тематику и книги, расширявшие его познания о чужих странах. Благодаря своей феноменальной памяти Вильгельм легко запоминал и классифицировал прочитанное, чтобы, когда необходимо, вновь воскресить нужные сведения. И в более поздние годы любившие дядю Вильгельма племянники по-прежнему боялись его «всезнания», которое могло привести в смущение всякого менее одаренного человека.

Как мы уже убедились, у родни Канариса не было никаких офицерских традиций. Кроме того, в общественных кругах, тесно связанных с бурно развивающейся экономикой, карьера профессионального военного не пользовалась популярностью. Руководители промышленного производства с известным предубеждением относились к помещичьим отпрыскам в армии, а офицеры из аристократов величали промышленников «торгашами» и «слесарями». Владельцы индустриальных предприятий не сомневались в необходимости иметь сильное войско для обеспечения безопасности рейха; их сыновья по возможности проходили службу в «хороших» полках и становились офицерами резерва. Отец Вильгельма сам дослужился в немецких саперах до старшего лейтенанта резерва и высоко ценил дисциплину и порядок. Однако серьезных глав семей, приученных самостоятельно зарабатывать на жизнь и точно все рассчитывать наперед, ничуть не соблазняла «малоодоходная» офицерская карьера как пожизненная профессия для собственных сыновей. Благоклоннее, чем офицерский корпус сухопутных войск, общество воспринимало командный состав военно-морского флота, где не столь явственно давали себя знать «феодалные» пережитки и сословные предрассудки. И все-таки отец колебался, не зная, стоит ли одобрить стремление младшего сына служить в морском флоте. Не успев принять окончательного решения относительно выбора профессии для Вильгельма, отец, еще не старый (ему исполнилось только 52 года), внезапно умер от сердечного приступа осенью 1904 г., находясь на лечении в Бад-Наухейме. Следующей весной Вильгельм окончил реальную гимназию в Дуйсбурге, успешно сдав экзамен на аттестат зрелости. Мать не препятствовала его желанию стать морским офицером, и 1 апреля 1905 г. Вильгельм Канарис поступил в Киле в Королевский морской корпус.

Глава 2

Молодой офицер

Обучение в морском корпусе требовало от будущих морских офицеров значительных физических и умственных усилий. За короткий общевоинской подготовкой на суше следовало девятимесячное заграничное плавание на учебном судне сначала по северным морям, а затем по Средиземному морю или в водах Атлантического океана, омывающих Вест-Индию. В 1905 г. в качестве учебных судов использовались парусные фрегаты, дополнительно оснащенные вспомогательными двигателями. Помещения для кадет были довольно примитивными, морская служба – суровой и утомительной. Физические нагрузки перемежались с теоретическими занятиями. Изучали навигацию, разные виды вооружений, а также приобретали другие, необходимые для будущих флотских офицеров знания. Невысокого роста, худощавый, Канарис оказался достаточно сильным и выносливым, чтобы справляться со всеми обязанностями. От природы высокоодаренный и сообразительный, он легко усваивал теорию, без труда выдерживая любые экзамены. Испытывая отвращение к так называемой шагистике, Вильгельм тем не менее умел подавлять это чувство и вел себя так, чтобы не вызывать нареканий со стороны своего начальства. Один из бывших товарищей Вильгельма, знавший его еще в первые годы службы в морском корпусе, рассказывал, что уже тогда у Канариса проявлялись личные качества, которые впоследствии стали отличительными чертами его характера. Он, по словам собеседника, быстро все усваивал, не торопился с выводами и редко выходил из себя. И верно, на протяжении всей жизни Канариса отличали естественная сдержанность и умеренность во всем. Не следует, однако, думать, что он был скрытным человеком и честолюбцем. Напротив, Вильгельм зарекомендовал себя хорошим товарищем, охотно участвовал в юношеских проказах, которые свойственны молодежи 16–20 лет, испытывающей естественную потребность дать выход накопившейся энергии. Ему доставляли удовольствие веселые морские «байки», независимо от того, слушал ли он или рассказывал сам. Другими словами, при первом же выходе из тесного семейного круга в большой внешний мир успешно прошел проверку на пригодность присущий Вильгельму юмор. Этот неброский, лукавый юмор и постоянная готовность прийти на помощь всякому попавшему в беду, вероятно, в какой-то мере предопределили, что Канарис в своей «команде» скоро стал одним из тех, кому принадлежала не совсем четко очерченная, но ведущая роль, как это обыкновенно бывает в любой учебной группе кадет, среди молодых офицеров или студентов и вообще в каждом коллективе молодых людей.

После окончания морского кадетского корпуса и присвоения звания морского фенриха теоретическое и практическое обучение Вильгельм продолжил в стенах морского училища, расположенного также в Киле. Снова тренировки с различными видами вооружений, затем, с осени 1907 г., служба на крейсере «Бремен», который курсировал в водах Западной Атлантики вдоль берегов Центральной и Южной Америки. Через год Канарису присвоили звание лейтенанта и назначили адъютантом командира корабля. В то время, как и ныне, революции и военные перевороты были в странах Латинской Америки обычным явлением, повседневной пищей политического бытия. Корабли крупных морских держав должны были заботиться о том, чтобы в частых вооруженных конфликтах не пострадали их экономические интересы, и о защите жизни и имущества своих граждан. С позиций адъютанта командира Канарис имел широкие возможности изучать политическую подоплеку всех этих событий, и, воспользовавшись предоставившимся шансом, он основательно познакомился с историей, культурой и особенностями общественной жизни испано-американского мира. Здесь Канарис сделал первые шаги в познании испанского языка, которым потом владел в совершенстве. Тогда же он приобрел первые навыки искусства обращения с людьми и ведения дипломатических и квазидипломатических переговоров. Благодаря свойственному ему такту и тонкому чутью Канарис

добился хотя и небольших, но все же заметных успехов на политическом поприще, и неудивительно, что однажды молодой лейтенант не без известной гордости прикрепил себе на грудь орден Боливара, которым его наградило одно южноамериканское правительство.

Позднее некоторые сослуживцы Канариса утверждали, что из него якобы так и не получился настоящий морской офицер, что он был не столько моряком, сколько политическим интриганом. Как заявил Дёниц, давая показания перед международным военным трибуналом в Нюрнберге, Канарис вовсе не походил на остальных флотских офицеров, и он, Дёниц, ему не доверял. Высказывания офицеров, близко знавших Канариса перед Первой мировой войной и во время ее, звучат совсем иначе. По их словам, Канарис не принадлежал к числу бесшабашных сорвиголов, его трезвый рассудок сдерживал эмоции; прежде чем что-то предпринимать, он всегда оценивал степень риска, но если признавал какие-то меры необходимыми, то действовал решительно.

С крейсера «Бремен» Канариса перевели вахтенным начальником на торпедный катер в Северном море. Служба на этом маленьком судне была трудной и даже в мирное время – опасной. Ее справедливо считали высшей школой морского искусства. Как оказалось, Канарис абсолютно невосприимчив к морской болезни, которая на торпедном катере в плохую погоду не щадила даже бывалых моряков.

Осенью 1912 г. он вновь совершил заграничное плавание, уже на крейсере «Дрезден». Корабль находился в Восточном Средиземноморье с задачей – в начавшейся войне Балканских государств против Турции – защищать немецкие интересы. При этом Канарис получил хорошую возможность досконально изучить проблемы Балкан и морских проливов. Его увлекала пестрая уличная жизнь Стамбула, но ничуть не меньше – причудливая политическая конфигурация, сложившаяся вокруг бухты Золотой Рог. Он также неоднократно обсуждал с местными немцами вопрос строительства железной дороги на Багдад.

На следующий год, после короткого пребывания в родном порту, «Дрезден» отплыл курсом на Веракрус, чтобы сменить «Бремен» и занять его место на вахте вдоль атлантического побережья Центральной и Южной Америки. Так Канарис вернулся в знакомые места и к известным проблемам. Командиру «Дрездена», капитану 1-го ранга Кёлеру, опыт Канариса – к тому времени уже старшего лейтенанта – пришелся, разумеется, как нельзя кстати. А решать приходилось очень непростые задачи. В Мексике бушевала очередная революция. Шли ожесточенные бои между войсками президента Уэрты и отрядами мятежников за город Тампико. Большинство иностранных боевых кораблей покинули реку Тампико, только «Дрезден» упорно стоял на якоре в 30 морских милях от устья вверх по реке, несмотря на угрозу мятежников залить реку нефтью из огромных портовых резервуаров и затем ее поджечь. В результате «Дрезден» смог принять на борт многие сотни беженцев из числа граждан США и позднее передать их командующему американской эскадрой, стоявшей на внешнем рейде. В июле 1914 г. президент Уэрта подал в отставку, и «Дрездену» поручили доставить его в Кингстон (Ямайка). При выполнении этого трудного задания, требовавшего знаний местных условий и известного такта, Канарис активно помогал командиру корабля.

Покинув Кингстон, крейсер «Дрезден» направился в воды острова Гаити, где встретился с крейсером «Карлсруэ», который пришел сменить «Дрезден» и взять к себе его командира. Предполагалось, что затем «Дрезден» вернется в Киль.

Но тут разразилась Первая мировая война, и все планы изменились. Крейсер получил приказ перекрыть пути движения союзнического торгового флота вблизи южноамериканского континента. Действия «Дрездена» не были особенно успешными. Турбинные двигатели крейсера потребляли такое огромное количество угля (у корабля не было машин, работающих на жидком топливе), что процесс загрузки бункеров в открытом океане с вспомогательных судов перечеркивал всякие тактические и стратегические планы. В начале октября 1914 г. возле острова Пасхи в Тихом океане «Дрездену» удалось присоединиться к эскадре адмирала графа

Шпее и принять участие в победоносном бою близ Коронеля. Затем «Дрезден» вместе с крейсером «Лейпциг» коротко посетил Вальпараисо, чтобы набрать пресной воды и запастись свежей провизией: команда уже много недель питалась солониной и консервированными продуктами.

С того времени сохранилось два письма Канариса, адресованные матери и написанные 2 ноября, сразу же по окончании сражения у Коронеля, и 12 ноября, перед прибытием в Вальпараисо. Оба письма – типичные образцы его деловой спокойной манеры сообщать о своих военных переживаниях и взглядах на некоторые вещи, и потому считаю целесообразным привести здесь несколько коротких выдержек. Закончив ясное, деловое изложение хода сражения, Канарис 2 ноября добавляет: «Меня очень порадовало, как держалась наша команда. Ни у кого я не заметил ни малейшего страха или волнения. Было много спокойнее, чем во время инспекций и маневров в мирное время». Значение морского боя он оценивал со сдержанным оптимизмом: «Разумеется, очень кстати успех, который даст нам короткую передышку и, возможно, повлияет на общую ситуацию. Хотелось бы надеяться, что дело и дальше так пойдет». Через десять дней Канарис высказывает свое мнение по поводу сообщения, доставленного крейсером «Шарнхорст» из Вальпараисо, согласно которому французский фронт оказался прорванным, а английские министры были смещены со своих постов. В этой связи он сухо замечает: «Надеюсь, что эти известия не совсем чья-то выдумка» – и продолжает: «По-видимому, пока нет никаких шансов на мир. Пожалуй, пройдет еще немало времени, прежде чем Англия прекратит сопротивление». Дальнейшая фраза позволяет заключить, что и новый командир корабля, капитан 2-го ранга Людеке, принявший командование у острова Гаити, ценил опыт и знания Канариса в южноамериканских делах. В письме, в частности, говорится: «Командир ведет себя по отношению ко мне весьма тактично и всегда очень любезен. Он предоставляет мне много свободы и постоянно советуется со мной».

После победы у Коронеля передышка для эскадры графа Шпее оказалась действительно очень короткой. Командование британским флотом нажало на все мыслимые рычаги, чтобы загладить неприятную для престижа Англии неудачу. И вот 8 декабря немецкая эскадра столкнулась у Фолклендских островов с превосходящими силами англичан. В развернувшемся сражении были потоплены все германские боевые корабли, спасся благодаря своей высокой скорости только «Дрезден». Зимой 1914/15 г. крейсер, страдавший от недостатка угля и провианта, прятался среди островов архипелага Огненная Земля. Лишь после доставленных с огромным трудом угля и продовольствия командир «Дрездена» смог думать об активных боевых действиях. И опять крейсеру не повезло. 9 марта 1915 г. корабль бросил якорь в чилийских территориальных водах у острова Мас-а-Тьерра, поскольку кончились запасы угля. Внезапно вблизи появился английский крейсер «Глазго», далеко превосходивший «Дрезден» в артиллерийском вооружении, и открыл огонь. Командир немецкого крейсера направил к англичанам в качестве парламентаря старшего лейтенанта Канариса. Сложилась довольно драматическая ситуация, своего рода эпилог к сражению у Коронеля и у Фолклендских островов. В первом случае удалось спастись только «Глазго», во втором – «Дрездену». Драматически складывались и переговоры с командиром британского корабля. Канарис обратил его внимание на тот факт, что «Дрезден» находится в территориальных водах Чили, сохраняющей нейтралитет, а потому артиллерийский огонь по немецкому крейсеру есть нарушение международного права. Английский капитан ответил коротко и ясно: «У меня приказ: уничтожить «Дрезден» в любом месте. Все остальное урегулируют дипломаты Великобритании и Чили». Канарис вернулся на свой корабль ни с чем, и бой возобновился. Под ураганным огнем «Глазго» команда «Дрездена», открыв кингстоны, потопила крейсер, и была (в том числе и Канарис) интернирована чилийскими властями. Лучше всех о морской сноровке и дипломатическом мастерстве Канариса, проявленных им в начальной фазе Первой мировой войны на крейсере «Дрезден», отзывался его сослуживец того периода, который сказал: «Я нисколько не сомневаюсь, что мы на

нашем «Дрездене» никогда не продержались бы и до марта 1915 г., если бы не Канарис, который все великолепно продумывал и проявлял чудеса изобретательности».

Раненых с «Дрездена» отправили в Вальпараисо, остальных офицеров и матросов – в лагерь интернированных на острове Куирикуина. Не в силах выносить вынужденного лагерного безделья, Канарис решил бежать и вернуться в Германию. О том же мечтали и некоторые из его товарищей по несчастью. Но никто из них не обладал такими благоприятными предпосылками для достижения успеха, как Канарис, который в совершенстве владел испанским языком и мог легко затеряться среди местного населения Южной Америки. Канарис получил согласие своего командира, который поручил ему, в случае удачи, доложить вышестоящему начальству в Германии о последних месяцах плавания «Дрездена» и обстоятельствах его гибели.

Побег был равен высшему спортивному достижению. Сначала в гребной лодке Канарис добрался до материка, затем продолжил путь по суше, большей частью верхом на лошади, перевалил через Анды и Рождество праздновал уже в Аргентине в доме немецкого поселенца Бюлова. В Буэнос-Айрес он уже прибыл как молодой чилийский вдовец по имени Рид Розас, который направляется в Голландию, чтобы принять наследство от родственников матери-англичанки. Чилийский паспорт Канариса был в порядке и не вызывал подозрений. С билетом в кармане он занял место на пароходе «Фризия» голландской компании «Ллойд». Во время плавания некоторые пассажиры косились друг на друга с недоверием. Какой-нибудь швейцарец или голландец вдруг начинали казаться не настоящими. Но никому и в голову не приходило, что чилиец Рид Розас, который вскоре после отплытия из Буэнос-Айреса подружился со многими британскими подданными и старался использовать благоприятную возможность, чтобы освежить знания родного языка своей матери, вовсе не тот, за кого себя выдает. Как и ожидалось, недалеко от берегов Европы пароход задержали английские сторожевые суда и отконвоировали его в Плимут, где чиновники английской службы безопасности подвергли пассажиров «Фризии» тщательной проверке. И этот неприятный экзамен Канарис выдержал без осложнений, хотя некоторым его попутчикам пришлось сменить свои пароходные кабины на тюремные камеры, где их ожидали обстоятельные допросы. Насколько Канарис был вне подозрений, можно судить по такому эпизоду: один английский чиновник попросил его помочь выяснить, действительно ли человек, выдававший себя за чилийца из Вальпараисо, говорит на местном диалекте. Многие пассажиры-англичане настойчиво приглашали Рида Розаса после завершения дела с наследством посетить их в Англии. Он горячо благодарил за приглашения, но, по понятным причинам, воспользоваться ими не мог. Он был просто счастлив, когда пароход, наконец, покинул Плимут и взял курс на Роттердам.

Несколько дней спустя Канарис, не без труда преодолев с чилийским паспортом голландско-германскую границу, уже сидел в гостинице тетюшки Доротеи Попп в Гамбурге. Он провел всю ночь в дороге и выглядел крайне утомленным и невыспавшимся. Теперь, когда трудности и опасности рискованного побега были позади, дало себя знать многомесячное нервное напряжение. Он дрожал с ног до головы, не хотел ни есть, ни спать. Не дав себе по-настоящему отдохнуть, Канарис отправился дальше, чтобы явиться к своему начальству и выполнить поручение командира.

Глава 3

«Мадридский этап»

Летом 1916 г. Канарис под именем Рида Розаса объявился в Испании. Нам неизвестно, каким путем он добрался туда, преодолев английскую блокаду. Чилийский паспорт, сослуживший ему добрую службу во время путешествия из Вальпараисо на родину, был и теперь неплохим прикрытием. Стоит ли удивляться, что руководство военно-морского флота избрало

молодого офицера, сумевшего преодолеть английский контроль и ловко сыграть роль гражданина южноамериканской нейтральной страны, для выполнения в Испании задания, требовавшего наличия именно тех талантов, которые Канарис столь убедительно продемонстрировал? Начальником «Мадридского этапа» – так Канарис и его сослуживцы называли место своей работы – был немецкий морской атташе капитан 3-го ранга фон Крон, который из-за ранения, полученного при подавлении «боксерского восстания» в Китае, ушел в отставку, но с началом войны был вновь призван на службу в ВМС. Через свою молодую жену, которая родилась и выросла в Португалии, чей отец играл видную роль в экономике Пиренейского полуострова и являлся почетным консулом одной южноамериканской республики, Крон располагал обширными связями в испанском обществе и международных кругах Мадрида.

А Мадрид в тот период был центром политического и военного шпионажа всех воюющих держав. Для немецкой военной разведки Испания (помимо Швейцарии) представляла собой чрезвычайно удобный пункт наблюдения за всем происходящим во Франции. Немецкий военный атташе Калле руководил агентурой, работавшей против Франции, а главной задачей морского атташе было наблюдение за союзническими военно-морскими силами и в первую очередь за британским флотом и его главной базой – Гибралтаром, за передвижением судов союзников и нейтральных государств для планирования подводной войны и организации снабжения немецких подводных лодок и вспомогательных крейсеров из испанских портов. Иногда задания обоих атташе как бы пересекались, и можно с полным правом утверждать, что естественное и желательное сотрудничество двух «факультетов» порой становилось более интенсивным, чем было полезно для дела. Поэтому их задачи во многом не совпадали, и морской «факультет» не имел ничего общего с разоблаченной во Франции и казненной в Париже немецкой шпионкой-танцовщицей Мата Хари, имя которой и постигшая ее судьба стали известны всему миру. Истории о ее связи с Канарисом являются чистой выдумкой.

Канарис занимался главным образом поиском в испанских портах и вербовкой людей, способных выполнять особые поручения немецких ВМС – наблюдать за передвижением судов и собирать нужную информацию в беседах с моряками союзнического торгового флота. Кроме того, в его обязанности входило устанавливать контакты с торговцами и владельцами каботажных судов, готовыми снабжать немецкие подводные лодки и надводные корабли топливом, провиантом и другим корабельным имуществом. Ни атташе, ни его официальные сотрудники не могли заниматься этим сами, а вот чилиец английского происхождения вполне подходил для выполнения подобных поручений. Помимо чилийского паспорта, у него был целый ряд других нужных качеств: хорошее знание испанского языка, понимание образа мыслей южанина, невероятно терпеливое отношение к неизбежным в Испании проволочкам и бесконечным откладываниям решения на завтра и послезавтра.

Все свои письменные работы, особенно доклады в Берлин в вышестоящие служебные инстанции, Канарис готовил в доме фон Крона, где его охотно принимали и во внеслужебное время. Свое место жительства ему приходилось часто менять. Всякий раз адрес Канариса был известен только узкому кругу сотрудников Крона. Официально не связанный с германским посольством, Канарис тем не менее на разных светских мероприятиях часто встречался с послом принцем Ратибором и членами его семьи, с важными сотрудниками посольства, в том числе с советником графом Бассевитцем, секретарем фон Шторером (он позднее, во время Второй мировой войны, был послом в Мадриде), с перебравшимся из Танжера в Мадрид вице-консулом Цехлином (впоследствии пресс-шеф в министерстве иностранных дел). Посольство на Калле Кастельяна было чем-то вроде клуба избранных. В те дни самого посла, его жену и многочисленных дочерей очень тепло принимали в кругах испанской знати и в светском обществе Мадрида. Что касается отношения испанцев к воюющим сторонам, то в этом вопросе у них не было единого мнения. Если король Альфонс XIII, стремившийся удержать страну на нейтральных позициях, симпатизировал, по слухам, Германии, то значительная часть испан-

цев была на стороне союзников. К этому же лагерю примыкали и такие влиятельные члены правительства, как, например, министр иностранных дел граф Романонес.

Несмотря на свою молодость, Канарис на многих представителей различных слоев населения, с которыми он сталкивался по работе или на светских приемах, производил впечатление личности сильной, зрелой и самостоятельной. Иной собеседник с изумлением вдруг отмечал на молодом лице Канариса два больших голубых глаза, взгляд которых, казалось, проникал в самую глубь души. Впрочем, будучи по натуре очень серьезным, значительно серьезнее своих сверстников, он вовсе не чуждался веселых сборищ и развлечений, когда позволяли обстоятельства.

Со своей работой Канарис справлялся очень успешно. За короткое время ему удалось заручиться полным доверием своего начальника фон Крона. Близко общаясь со многими испанцами всех сословий, он проникся глубокой симпатией к испанскому народу, которую сохранил на всю жизнь и которая в более поздние годы приобрела не просто личное, а уже историческое значение. За год с небольшим пребывания в Испании Канарис заложил основы дружбы и доверительных отношений с некоторыми людьми, которые двадцать лет спустя заняли руководящие посты в правительстве и в вооруженных силах своей страны. Несмотря на большие успехи и важные знакомства, Канарис не чувствовал себя в Испании счастливым. В здешнем климате с его чрезвычайно жарким летом и неприветливой – по крайней мере, на кастильском плато и на западном побережье – зимой он очень страдал от приступов малярии, которую подхватил в Южной Америке. Но вероятно, еще сильнее молодого офицера мучило сознание, что его место не в спокойном «Мадридском этапе», а на фронте. И хотя фон Крон не хотел расставаться с Канарисом, он не стал противиться его естественному желанию и поддерживал просьбу о переводе на активную военную службу. Берлин не возражал, и Канарис выехал в Германию.

И опять ему пришлось воспользоваться чилийским паспортом на имя Рида Розеса. Чтобы как-то объяснить свою поездку, Канарис стал выдавать себя за больного туберкулезом, рассчитывающего в Швейцарии вылечиться от недуга. Изнуренный приступами малярии, он выглядел очень правдоподобно. Один из испанских католических священников, с которым Канарис сдружился, вызвался его сопровождать в долгом и опасном путешествии по югу Франции и Северной Италии. Поначалу все шло как будто гладко. Границы испано-французскую и франко-итальянскую миновали благополучно. Но непосредственно перед швейцарской границей, на железнодорожной станции Домодоссоло, обоих путников арестовали. Вне всякого сомнения, энергичная деятельность Канариса в Испании не ускользнула от внимания контрразведывательных органов союзников, и его маскировка под чилийского гражданина, по-видимому, не выдержала проверки. А не арестовали его еще раньше, уже при вступлении на французскую территорию, только потому, что уехал он внезапно и скрытно. Ориентировку о розыске и задержании фальшивого Рида Розаса итальянская служба безопасности получила как раз вовремя.

И вот Канарис сидит в итальянской тюрьме, сопровождавший его священник тоже угодил за решетку. Допросы велись непрерывно. Вновь и вновь пытались итальянские следователи сбить арестованных с толку. Канарис твердо придерживался своей легенды, священник тоже его не выдавал. Чтобы доказать свое болезненное состояние, Канарис в камере прикусывал себе губы и плевал кровью в плевательницу.

К счастью, контрразведке противника не было известно истинное лицо арестованного, хотя никто не сомневался, что он немецкий шпион. Пребывание в тюрьме затягивалось. Канарис упрекал себя за то, что действовал недостаточно осторожно и, кроме того, навлек беду на голову испанского священника. Собственная судьба казалась ему уже окончательно решенной. Не сама смерть страшила его, как моряк и офицер, он не раз смотрел ей прямо в лицо, все его существо восставало против казни через повешение, уготованной обычно вражеским шпи-

онам. И в самом деле, в один прекрасный день тюремный надзиратель, приносивший заключенному еду, вошел в камеру, злорадно ухмыляясь. Смерив заключенного взглядом с головы до ног, он обвел пальцем вокруг шеи, будто накладывая невидимую петлю, затем, указав на Канариса, с ненавистью проговорил по-итальянски: «Послезавтра» – и добавил хриплым голосом, словно страдая от удушья: «Капут!»

На этот раз Канариса миновала участь быть повешенным. Сообщение об аресте Рида Розаса повергло в ужас его мадридских друзей и заставило их поспешить ему на помощь. Были задействованы влиятельные связи, по дипломатическим и неофициальным каналам итальянскому правительству дали понять, что, несмотря на факты, доказывающие обратное, Рид Розас в самом деле является тем, за кого себя выдает, и его паспорт – подлинный. Убедили ли итальянскую контрразведку подобные аргументы или нет – сказать трудно. Во всяком случае, в Риме сочли более благоразумным отреагировать на ходатайства в защиту арестованных в Домодоссоле положительно. Вместе с тем в разрешении на продолжение прерванной поездки в Швейцарию им отказали. Канариса и сопровождающего его священника посадили на испанское грузовое судно, следовавшее из Генуи в Картахену с заходом во французский порт Марсель. Возможно, итальянцы надеялись таким путем отделаться от неприятной проблемы без особого вреда для дела. В Марселе французские коллеги, которых уже информировали, примут нужные меры, и в Париже, вероятно, не так легко, как в Риме, пойдут навстречу пожеланиям ревностных адвокатов подозрительного «чилийца».

Так думал, по крайней мере, Канарис: с приходом в Марсель его земное существование закончится. Французы смогут привезти из Мадрида своих агентов, и хотя те не знают, что он старший лейтенант Канарис, морской офицер, все же в состоянии привести достаточно конкретных фактов его враждебной деятельности в Испании, чтобы обеспечить ему в военнополовом суде смертный приговор. В этой трудной ситуации Канарис решился на шаг, свидетельствующий о том, насколько хорошо он уже изучил особенности испанского мышления. Канарис отправился к капитану с намерением апеллировать к его благородству. Он признался, что вовсе не чилиец Рид Розас, а немецкий офицер, и что свою дальнейшую судьбу он вверяет ему, капитану. Мол, если тот сделает остановку в марсельском порту, то одновременно вынесет смертный приговор своему пассажиру. Испанский капитан показал себя истинным кабальеро, как его и оценил Канарис, и взял курс прямо на Картахену. И напрасно французская контрразведка, информированная итальянцами, надеялась на богатый улов в Марселе, ее надежды не оправдались. В доме фон Крона подумали, что перед ними призрак, когда Канарис, бледный и сильно похудевший, внезапно появился на пороге. Ведь его уже считали погибшим. И вот он сидел собственной персоной и в промежутках между приступами малярийной лихорадки рассказывал о злоключениях последних недель. Несмотря на всю серьезность случившегося, там и сям в повествовании проскальзывали юмористические нотки, и слушатели не могли удержаться от улыбки, когда он, как заправский актер, повторял мимику и жесты итальянского тюремного надзирателя. В тот момент ему было невдомек, что через тридцать пять лет он именно таким способом расстанется с жизнью. Кое-кому подобные переживания в итальянской тюрьме отбили бы всякое желание еще раз попытаться вернуться в Германию. Но Канарис, едва оправившись от тягот и лишений тюремного существования, возобновил поиск способа выехать в Германию и попасть, наконец, на фронт. Как заявил Канарис своим сослуживцам, служба в «Мадридском этапе» ему порядком надоела. Вместе с тем работа в разведке его увлекала: манила связанная с риском игра, при которой больше значила интуиция, а не здравый смысл. Ему доставляло удовольствие наблюдать, как эти авантюристы, джентльмены удачи, с которыми ему приходилось иметь дело, действуя в тени и подполье, работали то на одну, то на другую сторону, а бывало, что и шпионили на обе стороны одновременно, как они часто надували и обманывали своих хозяев. Ему, с его острым умом, нравилось верховенствовать над такими ловкими парнями и с помощью своего интеллектуального превосходства

заставлять их служить себе и своей стране. И все-таки в то время Канарис не воспринимал это волнующее занятие как жизненную цель. Главным для себя он считал службу на боевых кораблях, сражающихся в открытом море с превосходящими силами противника или участие в подводной войне – все более ожесточенной и опасной – на заморских транспортных путях обширной Британской империи. Работа Канариса в Испании в известной мере являлась вкладом в эту подводную войну. Но теперь он горел желанием непосредственно участвовать в ней в качестве командира подводной лодки.

В доме фон Крона между тем усердно искали возможность пробраться в Германию. В конце концов решили, что Канариса заберет из испанского порта какая-нибудь немецкая подводная лодка, оперирующая в Средиземном море. Выбор пал на U-35 под командованием известного своими подвигами капитан-лейтенанта Арнольда де Лапери. Накануне эта лодка вполне официально посетила порт Картахены, чтобы вручить королю Альфонсу письмо от немецкого кайзера, и ее командир имел хорошую возможность изучить подходы и ситуацию в гавани. Рассуждая таким образом, пришли к выводу, что именно U-35, которая, опираясь на австрийскую военно-морскую базу в Поле, вела в Средиземном море войну против союзнического флота, в состоянии без особого риска справиться с этой задачей. Фон Крон по телеграфу передал это предложение военно-морскому руководству в Берлин; оно дало принципиальное согласие. В ходе длительного обмена телеграммами договорились о деталях. А подготовить нужно было немало. Операцию следовало провести в одну из безлунных ночей, чтобы ускользнуть от агентов Антанты, днем и ночью следивших за фон Кроном и Канарисом, и не привлечь внимания испанской береговой охраны. Дважды предприятие срывалось, так как агенты противника каждый раз что-то пронюхивали. Лишь третья попытка увенчалась успехом. Поздно вечером в условленный день Канарис на поезде прибыл в Картахену. Избавившись от наружного наблюдения, он сел в небольшую лодку, которая должна была доставить его из порта на рейд. Лодочник, хорошо знавший прибрежные воды, направил свое суденышко к указанному месту. Точно в назначенное время из воды показалась башня подводной лодки, крышка входного люка распахнулась, Канарис произнес пароль и пересел в подлодку. Крышка захлопнулась, и через несколько минут немецкая субмарина погрузилась в воду, взяв курс на Полу. Для Канариса «Мадридский этап» отошел в прошлое.

Глава 4

Конец войны и революция

С возвращением в Германию наконец исполнилось желание Канариса – служить в подводном военном флоте. Однако прошло еще немало времени, прежде чем его послали на боевое задание. Сначала будущему командиру подводной лодки предстояло досконально изучить новый для него вид вооружения. После нескольких месяцев интенсивных тренировок Канарису вновь пришлось сдерживать свое нетерпение поскорее оказаться в зоне боевых действий. Дело в том, что теперь ему нужно было обучить свою будущую команду в школе подводников в Экер-фьорде. Наконец весной 1918 г. он получил в свое распоряжение подводную лодку, которую благополучно провел через Атлантику и строго охраняемый англичанами Гибралтарский пролив в Средиземном море, где с австрийской военной базы в Которе начал войну с торговым флотом союзников. Между тем Первая мировая война приближалась к своему неблагоприятному для Германии завершению. Как раз в тот период, когда Канарис стал единоличным командиром, наметился спад в боевых операциях подводных лодок. Принятые англичанами защитные меры – в первую очередь усовершенствование системы сопровождения торговых судов – сильно затрудняли применение подводных средств нападения, несмотря на героизм немецких моряков. Хотя Канарис и провел несколько удачных операций на транспортных путях союзников, как-то повлиять на общую ситуацию они уже не могли. В начале октября положение под-

водных лодок, базирующихся в Которе, резко ухудшилось. Повсюду, в Италии и на Балканах, разваливались фронты Тройственного союза. Солдаты уже не ограничивались лишь вспышками недовольства, а закидывали ранцы за спину и расходились по домам. На южнославянских землях вокруг Котора бушевало пламя восстания против остатков габсбургской монархии. Все дороги были блокированы. Ожидать подвоза топлива и боеприпасов из Германии не приходилось. На совещании у командования подводной флотилией было решено, что каждая подводная лодка должна самостоятельно попытаться пробиться в родную гавань Киля. В середине октября суда вышли из Котора поодиночке в море, а когда после полного опасностей плавания одиннадцать лодок собрались в проливе Скагеррак у побережья Норвегии, то получили из Киля радиограмму о восстании на военно-морском флоте. 8 ноября флотилия сомкнутым строем под боевыми знаменами вошла в гавань Киля. На мачтах стоявших на рейде кораблей развевались красные флаги. На другой день кайзер Вильгельм II бежал в Голландию, и депутат Шейдеман объявил со ступеней здания Рейхстага о полной победе немецкого народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.